

Н. Е. НИКИТИН

СМЕЩЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Н. Е. НИКИТИН

Спецпереселенцы - 3

АВТОРИЗОВАННОЕ
КОМПЬЮТЕРНОЕ ИЗДАНИЕ
БЕЛГОРОД
2010

Н. Е. Никитин.
Спецпереселенцы - 3
Белгород, 2010г., 524 с.

Из потока современной художественной литературы невод критики принес богатый по значимости улов-роман-воспоминание в трех книгах Николая Егоровича Никитина «Спецпереселенцы».

Признанный автор жизненных коллизий в своих романах, повестях, рассказах, очерках охватывает широкий круг тем как бытового, так и социального характера.

В особом ряду читатели и критики находят «Спецпереселенцы». Роман охватывает период с 1917 года по 1983-й- это и земной рай, и ад людских страданий.

Изуверскую политику сталинизма и счастливую жизнь в труде прошлого столетия вы найдете в книгах Николая Егоровича.

от автора

Первая и вторая книги «Спецпереселенцы» - показ бедствий, нанесенных властью, - подготовка «среднего читателя» к пониманию мировых политических и идеологических процессов, задуманных и свершенных правительством России, названной СССР.

В третьей книге главный герой, повзрослев, начинает понимать сам и пытается передать сверстникам жизненные «постулаты» - *вся беда в том, что мы уверовали, и нам вбивали в голову, что мы вершим свою судьбу.*

Брежневская власть загнала страну в застой. Горбачевская и Ельцинская разрушили мощный Союз трудовых народов, поломали идею Ленина о всемирном владычестве. Поняв это, Путин приложил все усилия, чтобы вновь объединить бывшие союзные республики. Образовался СНГ.

В его составе Казахстан - Родина автора. Умная политика Назарбаева вывела свою страну из застоя. С застоявшимся бытом борется и главный герой «Спецпереселенцев». Его судьба - не проторенная дорога, она во многом зависела от административной системы. Выжить в тех условиях давала любовь к родине.

.... порой возникает непонимание необходимости осмыслить наше тоталитарное прошлое. Между тем, я глубоко убежден в том, что уроки истории надо осваивать постоянно из поколения в поколение.

Преодоление психологических последствий тоталитаризма - это не только наше проектирование будущего. Это наша интерпретация прошлого.

Президент РК Назарбаев Н. А.

УРОКИ ИСТОРИИ

Наше поколение живет в сложное и удивительное время. Стремительно меняется мир. На наших глазах, в памяти наших отцов, дедов происходят эпохальные общественно-политические изменения, которые затрагивают миллионы людей, касаются каждого из нас. Погруженные в повседневные заботы мы редко задумываемся о жизни отцов, дедов, коим обязаны своим существованием, своим успехам и достижениям. Хотим мы этого или нет, а их драматические, а порой и трагические, судьбы оказывают прямое или косвенное влияние на нашу жизнь и будут влиять на судьбу наших потомков.

В этой связи особенно актуален роман Н.Е. Никитина «Спецпереселенцы» в трех книгах, в котором, рассказывая историю своей семьи, автор осмысливает малоизученный и «закрытый» этап истории бывшего СССР, известный как «коллективизация».

В романе раскрыты мысли, переживания, чувства родных и близких людей. И на этом фоне с особой

Спецпереселенцы - 3

болью отражаются события «раскулачивания», когда в устоявшуюся крестьянскую жизнь врывается идеология сталинской интерпретации! Когда люди, их жизнь и чаяния становятся не целью политики, а средством достижения идеологических постулатов. И как это не чудовищно звучит, в тех условиях считались «нормой» смерть и страдания миллионов стариков, женщин, детей.

В романе показаны эти события не как сухая статистика, а как трагедия знакомых и близких людей. Только благодаря трудовой закалке «Никитины» преодолели эти невероятные трудности и начали новую, уже Казахстанскую летопись своей истории. И то, как в голой степи они не пропали, наладили свой быт, улучшая его с каждым годом, звучит как жизнеутверждающее начало книги!

Имея такую сложную общую историю народов России и Казахстана, особенно четко понимаешь, насколько важно знание истории народов и учет этих обстоятельств в принятии государственных решений. Благодаря взвешенной и мудрой политики руководства многонационального Казахстана, его президента Нурсултана Абишевича Назарбаева стало возможным успешное развитие экономики, решение социальных и иных вопросов.

Уроки истории, вытекающие из романа Н.Е. Никитина «Спецпереселенцы», по нашему мнению, имеют непреходящее значение, а книга достойна участия в конкурсе на лучшее произведение о спецпереселенцах Казахстана и лауреатства конкурса!

*Академик МАМР
А. А. Романцак*

Зеленые металлические ворота, венчающие красной звездой, у КПП — символ воинской части. Едва машина с новобранцами подошла к ним, как те раскрылись, и приезжих беспрепятственно пропустили. Ребята отвернули у заднего борта тент. Никитин выглянул и тут же воскликнул:

— Рядом магазин, живем, братцы!

Все потянулись посмотреть, будто бы никогда не видели магазин. Бурно заговорили:

— А вон от того барака, что повыше, пахнет кухонными ароматами — явно, столовка!

— Эх, потянуло вас куда! А на плац не хотите? Посмотрите, напротив столовой, как он серебрится под утрамбованным снегом.

— «Мечта» солдата, берегись мои ноженьки! — охладил Никитин и немного погодя задумчиво произнес, — лес, лес кругом... Я родился в степи, привык к простору. Скорее бы в небо...

Машина тронулась к двум двухэтажным казармам. Если бы не их шиферные крыши, стены напоминали аккуратно сложенные по вертикали бревна, поваленные из рядом стоящего бора. Сосновый лес подступал к казармам. В него лишь вдались одноэтажные постройки, как выяснилось — учебный корпус, клуб и баня.

Машина остановилась у той казармы, что ближе к плацу. Капитан Ащеулов легко выпрыгнул из высокой кабины грузовика, пошевелил привезенных:

— Вылезай! Строиться!

Хотя от Дмитрова до деревни Дядьково недалеко, но после теплого Закарпатья и душного вагона ребята

быстро почувствовали подмосковный морозец. Поеживаясь, встали в неровную линейку. Командир, осмотрев строгим взглядом построение, насупил густые брови:

— Не по-курсантски... — и тут же, — носочки!

Шеренга выровнялась. Брови командира разлетелись голубями, и будто распахнулись заслонки в душу. За дальнюю дорогу, от Коломны до Москвы, Никитин успел присмотреться к капитану. Тот понравился ему. В детстве Николай представлял летчиков, мужественных, как Валерий Павлович Чкалов. В Караганде же видел офицеров-пехотинцев, скептически смотрел на них, как те, загруженные чемоданами, упитанные и потные, тащились к вагонам. Ащеулов отличался от тех. Подтянутый, твердые скулы, быстрый в движениях. Он своим острым и пристальным взглядом, казалось, проникал вглубь сознания. И речь его была краткой, словно отвечала требованиям летчика в полете, которому время дано не для рассуждений. Вот и сейчас капитан был краток:

— Поздравляю с прибытием в войсковое подразделение. Здесь вы пройдете годичное обучение!

Подошел младший сержант. В глаза бросалось добродушное, слегка вытянутое лицо. Он такой же подтянутый, как капитан, но на его галифе выделялись остро выглаженные стрелки, лихо козырнув, спросил:

— С приездом! Пополнение, товарищ капитан?

— Вот тебе орлы! Бери, определяй, а через три часа — на праздничный, новогодний ужин. — И Ащеулов повернулся к солдатам, — отныне это ваш командир отделения пилотов, младший сержант Г аланов.

Сержант повел всех в казарму на второй этаж. Там распределил кровати и объявил отдых до построения на

ужин. Никитин вышел на улицу. У курилки крутился шофер, привезший их из Дмитрова. Он явно ожидал выхода новичков и радостно заулыбался Никитину.

— Познакомимся, моя фамилия Цепелев, я из восьмого звена, мы хозяйственники. Есть предложение: хорошо встретить Новый, 1959, год.

— Как это?

— Я бы мог организовать вина...

— Не знаю... Мы еще не обтерлись...

— Не волнуйсь, все будет шики-брыки, как сказал бы старшина. Потолкуй с ребятами, а там наше дело, организуем чин-чинарем. Новый год все-таки...

За двадцать дней в карантине не то что выпить, мечтать не приходилось о вине — строгие порядки, словно бы за каких-то три недели из новобранцев хотели сразу сделать настоящих солдат. Муштра, муштра... А тут Цепелев говорит:

— Гонять не будут, для вас главное не шагистика, а изучение авиационного дела...

Николай подумал: «Почему бы и не расслабиться!».

Его поддержали все пятеро приезжих.

Остальные тоже не отказались. Сбросились с расчетом и на организаторов выпивки. Передали деньги Цепелеву.

Настал вечер. Прибыл старшина и объявил построение на ужин. С обеих этажей на улицу высыпали все отделения курсантов. Цепелева не было ни здесь, ни в столовой.

— Наколот нас старичок! — махнул рукой новый знакомый Никитина Василий Григоренко, — ты хотя запомнил его на лицо?

— Да рыжий такой... Вез нас из города. Куда он денется!

В столовой уже были расставлены котелки с картошкой-пюре, тарелки с котлетами и хлебом. Из раздаточного окна высунулся повар:

— Подходите за компотом!

Никитин направился к раздаточному окну. У него начинало закипать в душе: «Он у меня узнает, где раки зимуют, пусть только попадетя!». Заглянув в «амбразуру», хотел спросить у повара, мол, не появлялся ли в столовой Цепелев, как увидел того улыбающегося. Шофер приложил палец к губам и взглядом указал на чайники. Никитин догадался. Подошли еще два курсанта из их звена и забрали «компот».

— С Новым годом! — подняли кружки будущие пилоты.

Чайники опустошили. Все было прекрасно. Только, возвращаясь в казарму, Кудрявцев, самый маленький из курсантов, все отставал от строя. Старшина то и дело покрикивал на него:

— Подтянись!

А когда пришли в казарму, обнаружилось, что Кудрявцев потерял галошу — ему в первые дни не могли подобрать сапоги по его ноге и заказали персонально, как на подростка-недомерка.

Маленькому надо было меньше наливать!

На следующий день начались занятия — лекции в учебном центре, что напротив казармы.

Счастье переполняло Никитина с тех пор, как он стал курсантом Подмосковного военного подразделения, готовившего пилотов-воздухоплавателей. Николай быстро влился в коллектив, обзавелся друзьями. Более близким стал Василий Григоренко. Их биографии удивительно схожи: одногодки, после школы, получив отсрочку от службы в армии, окончили строительный техникум — Николай в Караганде, Василий в Киеве, призваны в одну часть. Сейчас они за одним столом в небольшой аудитории. И нет более увлеченных авиацией, чем эти два схожих парня: оба высокие, одинакового роста, оба «думающие», как отметил капитан Ащеулов, давая характеристику замполиту. А характеристика потребовалась для решения о «назначении» группового комсорга в отделениях пилотов и баллоно-такелажных мастеров.

В армии, как и на гражданке, кандидатура комсомольского лидера сперва обсуждалась в партийных комитетах, а потом уже выносилась на голосование на комсомольском собрании — вот такая демократия выборности! На заседании парткома части рассматривались свои задачи. По просьбе секретаря комсомольской организации в повестку дня включили и вопрос о выборах группкомсоров во вновь созданных семи подразделениях. Во всех отделениях было по одной кандидатуре. В первом же звене, пилотов и баллоно-такелажных мастеров, выставлялись две — Никитина и Григоренко.

— Что, старший лейтенант, так уж они ничем неразличимы? А как учатся? — спросил замполит у

секретаря комсомольской организации.

— Они, товарищ подполковник, оба отличники. И среди курсантов только у них средне-техническое образование. У остальных десятилетки. Кстати, они и старше своих товарищей на год.

— Но у Никитина больше жизненного опыта: он до армии работал с заключенными, — вставил капитан Ащеулов.

— Подождите, это тот Никитин, который спит под одной простыней? На улице мороз, да и в казарме под одним одеялом — не на печке, — спросил командир войсковой части Кравченко.

— Он, товарищ полковник, — подтвердил Ащеулов.

Однажды полковник рано утром, когда еще все спали, вошел в казарму. Дневальный хотел было подать команду, но командир остановил его:

— Тихо, пусть спят. Солдату сон — первое дело! — и спросил, — а это кто под одной простыней спит?

— Курсант Никитин, товарищ полковник, — отрапортовал дежурный, — мы вынесем ему замечание.

— Ни в коем случае. Молодец курсант! Хорошей закалки! Вот так вот и всем надо, — оборвал полковник.

А на заседании партийного комитета Кравченко так и сказал:

— А чего тут думать, рекомендуйте Никитина.

— Правильно, — подтвердил Ащеулов, — а Григоренко надо бы избрать заместителем — в паре будет сильная упряжка.

Партия сказала—комсомол ответил: «Есть!». Вообще-то ребята больше доверяли Никитину. Он был ближе к ним. Большая часть курсантов призвана из деревень. Из крупных городов лишь трое: Виктор

Кондаков из Москвы, Евгений Коньков из Ленинграда и Василий Григоренко из Киева. Но были и такие, кто впервые ехал на поезде, впервые видел электрическую лампочку. В первый день, когда ложились спать, попросили Крупинина:

— Потуши свет!

Тот ходил, ходил вокруг висевшей над ним лампочки, не зная, как ее потушить. Городские это сразу уловили:

— А ты подуй на нее!

Солдат понял, что над ним насмеваются, обиделся:

— Да ну вас!

И лег спать, не выключив свет.

Соответственно, и постигали летную науку все по-разному. Коньков до армии работал каменщиком. Видимо, в школе науки его интересовали постольку-поскольку. Сложные летно-подъемные расчеты ему давались с трудом. Комсомольцы же постановили добиться, чтобы Первое звено было по всем статьям первым. Вот и приходилось то Никитину, то Григоренко подтягивать отстающих. Коньков еще, почесав лоб, схватывал науку. А вот Карякину и Кудрявцеву задачи — бич божий. С ними приходилось заниматься побольше. Зато материальную часть аэростата эти ребята знали на все «пять».

После сопромата и статики сооружений, расчетов конструкций зданий, изучаемых в техникуме, теория полетов Никитину давалась без усилий. Механику он тоже быстро освоил, хотя и не стремился быть механиком. Его тянуло в небо. Небо, какое оно? С земли — голубое. Но это просто воздух. Он же — бесцветен рядом. А с высоты? Интересно, что Чкалову больше нравилось: небо, высота или покорять стальных птиц?

Валерий Павлович погиб. И теперь вряд ли узнаешь ответы на эти вопросы. Но Бог милостив: Ащеулов объявил на утреннем построении:

— Сегодня, по нашему приглашению, к нам приедет в гости генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза Александр Васильевич Беляков. Он был штурманом у Чкалова во время беспосадочных перелетов в 1936-37 годах Москва — остров Удд и Москва — Северный полюс — США.

С этого момента для Никитина все происходило, как во сне. Завтрак он проглотил, не чувствуя вкуса. Занятия по уставу, матчасть аэростата — все мимо ушей. Застряло одно: когда же появится Беляков, друг и соратник Чкалова?

И вот распахнулась дверь, вошли полковник Кравченко, а с ним, чуть ниже его ростом, полноватый, седой мужчина, вернее белый, как лунь, в гражданском светло-сером костюме. Ему 65. Это Никитин уже знал. Александр Васильевич был старше Валерия Павловича на семь лет. С ними тогда покорял пространство и Георгий Филиппович Байдуков. Им в тридцать шестом присвоили звания Героев Советского Союза.

Курсанты, не дожидаясь команды, разом вскочили. Ащеулов, проводивший занятие, отрапортовал Белякову как старшему по званию. Тот пожал руку капитану и повернулся к ребятам.

— Садитесь, садитесь. Я рад встрече с вами, курсанты, будущими пилотами. Вы — продолжатели нашего великого дела — освоения воздушного пространства. Каждый из вас, я не ошибусь, любит небо, как любил его Валерий Павлович Чкалов. В отличие от истребительной авиации, ваша профессия гуманная. Во время войны наши аэростаты защищали в небе столицу

нашей Родины Москву, Ленинград. И само уже слово «воздухоплавание» говорит о том, что вы, как вольные птицы, будете бороздить пятый океан, знакомясь с ним не через иллюминатор, а открыто, в гондоле аэростата. Вам придется выбрасывать десантников и с больших современных самолетов. А мы в свое время осваивали первые советские машины, которые, как вы знаете, не уступали американским лайнерам.

Гром аплодисментов прервал речь генерал-лейтенанта. И сам Беляков не удержался - зааплодировал.

— Вы, конечно, с детства мечтали, как Валерий Павлович и я с Байдуковым, подняться в небо. Только твердое решение стать пилотом привело вас в эту аудиторию. И вы на близком пути к освоению голубой выси. Вскоре у вас начнутся практические занятия по подъему. Вот тогда вспомните меня — старик был прав: небо прекрасно! Желаю вам счастья и отличной учебы! А сейчас мне хотелось бы услышать, что вас интересует об авиации, воздухоплавании, нашей замечательной профессии.

Посыпались вопросы. Всех, кроме вопросов по авиации, интересовали и жизнь каждого из Героев знаменитой тройки беспосадочных перелетов, и где они учились, и о встречах со Сталиным, были ли знакомы они с трижды Героями Советского союза Александром Ивановичем Покрышкиным и Иваном Николаевичем Кожедубом. Обо всем рассказал Александр Васильевич и очень тепло отозвался о своих товарищах времен Великой Отечественной войны.

— Кожедуб, — говорил он, — командовал в истребительной авиации эскадрилей, занимал должность и заместителя командира авиаполка.

Бесстрашный пилот, сбивший в 120 боевых вылетах 62 вражеских самолета, он отличался, прежде всего, большим человеколюбием. Покрышкин также был командиром эскадрилий, полка, дивизии. На его счету 156 воздушных боев, в которых он сбил 50 немецких самолетов. Кожедуб и Покрышкин — пилоты высшего класса, которых называют асами, и которых так страшились хваленые летчики Германа Геринга.

Обвал вопросов прекратилось, когда Никитин, назвавшись, спросил:

— А правда ли то, что Валерий Павлович разбился при испытании самолета «И-180» по вине главного конструктора Поликарпова? Ведь машина имела перед вылетом 48 неполадок. Стало известно, что помощник главного конструктора Гинсбург предупреждал Поликарпова об этих неполадках.

— Вы, курсант, я вижу, очень осведомлены о причинах гибели моего друга. Откуда, интересно, просочилась такая информация? Ведь об этом не писали газеты, и по радио не сообщалось. Так сказать, до смерти Сталина тема была закрыта.

— До армии я был знаком с одним из работников КГБ...

— Тогда все понятно, — кивнул Беляков, — скажу только одно: вина Поликарпова тут косвенная. Замешан и директор завода, и ряд вышестоящих лиц, о которых нам судить не дано. И еще: меньше знаешь — крепче спишь. — Генерал вздохнул, — конечно, очень жаль, что у нас еще принимаются скоропалительные решения, приводящие к несчастным случаям, в авиации особенно. Небо — не земля. Там опора — совесть. Да, — твердо сказал Беляков, — совестное отношение к авиации на земле.

Жалко было расставаться с человеком-легендой советской авиации. Но жизнь состоит из находок и потерь. Еще много дней после отъезда Белякова курсанты воздухоплавательного подразделения обсуждали встречу со знаменитым штурманом, которого все называли не иначе, как чкаловцем. Лишь один из ребят молчал и не высказывал своего мнения — Виктор Гавричкин. Никитин поинтересовался:

— Витя, а что ты скажешь о встрече с Александром Васильевичем?

— Ничего, — сказал и отвернулся курсант.

— Как это «ничего», не понравилось, что ли?

— А мне до лампочки авиация. Я тракторист и, когда демобилизуюсь, пойду работать в колхоз.

При упоминании о своем колхозе у Гавричкина потептели глаза. Видимо, он очень любил землю, пахать и сеять. Николай понимал его, как и некогда своего отца, любившего землю и до конца жизни остававшегося преданным ей. И когда Григоренко спросил Никитина:

— Чего выпендривается этот Гавричкин?

Николай ответил:

— Не выпендривается, просто человек любит землю, а не небо.

Виктор ничем не выделялся среди своих товарищей. Учился ровно, дружил больше с Карякиным. Вместе они охотно шли в наряд на кухню, где пилили дрова, чистили картошку. Здесь они чувствовали свою, сельскую, жизнь, и она создавала им хорошее

настроение. Что ж, каждому свое. Другим такая армейская жизнь в тягость. Другое дело — изучение летно-подъемного дела, укладка парашютов, прыжки с вышки!

Конечно, наземная подготовка — не сыр с маслом. Чего только стоит прыгнуть с тридцатиметровой вышки. Хорошо еще без основного и запасного парашютов. А если с полной десантной выкладкой... Посмотришь с высоты на землю — дух захватывает. Перебарываешь в себе боязнь и срываешься по тросу вниз. Поначалу так дернет, что кишки обрываются, а потом земля шархнет по ногам. Бывалые парашютисты не зря говорят, что лучше совершить десять прыжков из самолета или аэростата, чем один раз с вышки.

И еще, не лучше и наземная отработка прыжков с самолета. На учебном полигоне стоял приподнятый макет самолета. Из него прыгали на металлическую сетку-батут. Майор парашютно-десантной службы Сотников командовал:

— Подошел к двери! Выставил вперед левую ногу!
— И тут же поправлял, — да на порожек, черт возьми, а не в небо! Теперь правой рукой взялся за кольцо!

У Карякина ни тени смятения на лице. Он свою боязнь запечатал глубоко во внутрь себя. Его раздуло и спереди и сзади парашютами. Небольшого роста, только голова торчит из-за запасного парашюта да выделяется горб сзади. Он выжидательно смотрит на майора. У того замечаний нет, и следует снова команда:

— Пошел!

Секунда — и курсант плюхается лицом на сетку. Все правильно. А некоторые боязливо выставляют вперед руки. Их майор заставляет повторить прыжок.

— Будешь прыгать до тех пор, пока не станешь

отрывать правую руку от кольца, — говорит он.

Пока ни у кого нет опасения, что парашют может не раскрыться в воздухе. Но психологическая подготовка к прыжку с парашютом идет. Проще, конечно, обучить технике отделения от аэростата или самолета, выдергиванию кольца, развороту по ветру, приземлению. Важно другое: вселить в новичка веру в безотказность прыжка с парашютом, в самого себя, мобилизовать духовные силы на выполнение десантирования. Здесь порой требуется внушение и внушение, чтобы новичок не боялся «пустоты». Если же он с испуга выдернет раньше времени кольцо вытяжного тросика парашюта, то купол может зацепиться за хвостовое оперение самолета. Такие случаи в практике были, и не раз. Вот что приходится разъяснять в процессе обучения. Это и входит в обязанность Сотникова. Как опытный инструктор он знал, что у курсантов, особенно прыгающих впервые, нервно-психическое напряжение наступает с того момента, когда им объявляется: «Завтра прыгаем с аэростата. А сегодня давайте уложим парашюты». Без снисхождения Сотников предупреждает:

— Неправильно уложил парашют — все, в воздухе тебе никто не поможет, отрывай яйца и выбрасывай, они тебе больше не понадобятся!

От солдафонской шутки майора у курсантов улыбки. Она не кажется грубой. Такая шутка перебарывает животный страх бездны, пустоты. Сотников строго следит за тем, чтобы детали парашюта размещались в строго определенной последовательности, чтобы каждый сантиметр шелковой материи громадного полотнища купола ложился в ранец в предназначенное ему место. Только тогда парашют станет надежным

другом на высоте, когда под ногами не будет твердой опоры. Причем, каждый из десантников укладывал «свой» парашют. Парашют, с которым будет прыгать только он. Это тоже придает уверенность и снижает нервное напряжение перед прыжком.

Весна будоражила кровь, звала курсантов на вольный воздух. И руководство, словно чувствуя их настрой, усилило практическую подготовку к прыжкам. И вот этот день настал. Большинству курсантов предстояло совершить первый прыжок. Никитина это чувство не тревожило во время наземной подготовки. А перед посадкой в гондолу напряженное чувство ожидания чего-то необычного усилилось. Он обратил внимание, что и у других курсантов произошли изменения: иные стали более разговорчивыми, другие — более замкнутыми, кто-то ушел в себя, а кто и навязчиво лез с вопросами. Более четко выдавали лица — то бледное против обыкновения, то у иных красное. Да еще колени... Их мелкую тряску не скроешь коротким бушлатом. Хуже всего, когда в глазах, как майский букет, ярко высвечивает тревога. Все эти метаморфозы, однако, не снижают огромного желания быстрее подняться в небо и совершить желанный прыжок с парашютом.

На учебный полигон, расположенный неподалеку от казарм, вывели аэростат и прикрепили к тросу на автомобильной лебедке.

Григоренко подошел к Никитину:

— Читал у Жюль Верна про воздушный шар? Вот и мы сейчас поднимемся в гондоле.

— С той разницей, что у того шар, а у нас тридцатиметровая перкалевая сигара высотой под девять метров. Внушительно! Фантастический полет сейчас для нас превратится в реальность.

Дали команду для посадки. Вместе с пилотом сели трое курсантов — Григоренко, Кондаков, Никитин. Пятым на «хлебрезку», как называли откидное сиденье, взгромоздился майор Сотников. То, что он вместе со всеми укладывал парашюты, строго проверял их перед прыжком, и теперь вот сам совершает прыжок — ободрило и поселило уверенность в благополучном прыжке.

Лебедка начала плавно раскручивать трос. Аэростат взмывал ввысь. Вся тройка впервые отрывалась от земли. А та стремительно расширялась в горизонте, делилась на квадраты и прямоугольники садов, полей, нитью вытягивался нестройный ряд домов ближней деревни. С большой высоты и лебедка, и курсанты на земле фантастически превращались в крохотные существа. Все были зачарованы необычной картиной. И забыто земное волнение, и куда-то делось земное притяжение

— Все необычно, не реально! — не выдержал Григоренко.

Он повернулся к Никитину:

— А ты говорил, что все превратится в реальность.

— Да, мы в полете — это действительность, а все, что видим под нами, согласен, — необычно и красиво, как в сказке, на ковче-самолете.

Аэростат качнулся и подъем прекратился. Высотомер показал четыреста метров: заданная высота для прыжка

Спецпереселенцы - 3

набрана.

— Кто тяжелее, десантируется первым, напомнил пилот.

Первым шагнул на порожек гондолы майор. Он спокоен. В лице, глазах нет и близко признаков нервного напряжения. Как учил других, он и сам цепляет карабин вытяжной фалы за вытяжное устройство, предусмотренное для принудительного раскрытия парашюта. Во время прыжка фала выдернет тросик со шпильками из замка ранца, клапан ранца раскроется, и купол парашюта вывалится в свободное состояние. Так что, парашютисту не о чем беспокоиться. Не надо будет дергать кольцо. На порожке майор кладет правую руку на кольцо и выставляет левую ногу, чтобы правой оттолкнуться от гондолы. Приготовившись, Сотников ждет команды пилота. Здесь, главенствует не звание, здесь старший — пилот, и его право выпустить парашютиста или задержать.

Сегодня пилотом младший сержант Сергей Г аланов. Он проверяет шпильки, карабин и после того дает команду:

— Пошел!

Майор в черной куртке и черных ватных брюках слегка наклоняется вперед и отталкивается. Все привстают посмотреть на полет инструктора. Прямая черная спина теперь похожа на черное бревно. Оно через секунды две закрывается белым куполом парашюта. Величественное зрелище!

За ним прыгает Григоренко. Потом наступает очередь Никитина. Кондаков же более суховат и жилист. Он легче всего экипажа. Ему предстоит прыгнуть последним. Николай вышел на порожек гондолы, взялся руками за борта. Внизу — бездна. «Сейчас сорвусь в

нее!»), — резанула мысль, и горячая волна разлилась по рукам и ногам. Но она кратковременна. Ее прерывает команда пилота:

— Правую руку на кольцо! — и вслед, — пошел!

Руки перемещаются на запасной парашют, ноги отталкиваются от порожка, и Никитин старается повторить красоту прыжка майора. Тело летит в бездну. Секунды — рывок, и хлопком раскрывается над головой овальный купол. Падение прекратилось. Теперь начался медленный спуск. Ушло волнение. Грудь наполнило чувство необычайной свободы. Вот и небо! «И я в нем — парящая птица!». Необычайный простор! Он поражает своей необозримостью.

— Эге - ге, Вася! Сейчас догоню тебя! Да здоровствует небо!

Какое прекрасное чувство! Жаль только, что оно кратковременно. Вспоминаются наставления инструктора. Их надо выполнить. Посмотрел на купол. Тот зонтом без спиц натянuto звенел от сопротивления разрезаемого воздуха. Порывов не было, несмотря на то, что хлопок при раскрытии был приличным. Стропы, как струны контрабаса, передавали морзянку ветра куполу. Белый шелк упруг и не дает спускаться с опасным ускорением, изучаемом в физике — в каждую секунду 9,8 метра. Плавно покачиваясь в ножных обхватах, Николай заглянул под себя. Далеко зеленели колхозные поля, село с кукольными домами и по ниточке улицы пробегает игрушечная машина. За ней клубится серое облачко пыли.

Чем ближе к земле, тем кажется, что парашют спускается быстрее. Земля стремительно набегае на тебя, разрастаясь в глазах. А горизонт резко сужается, будто шагреновая кожа. Эта борьба двух явлений

напоминает Николаю мелькание кадров быстрой съемки, когда объекты становятся нечеткими, смазанными. Но глаз успевает их разглядеть и отразить в сознании — скоро приземление!

Никитин, как советовал Галанов, слегка подтянул стропы и резко бросил их прямо перед касанием земли, парашют дернулся вверх — удар ногами смягчился. Но все же на ногах Николай не устоял. Промелькнуло в сознание наставление Сотникова: приземляясь, падайте на правый бок и, если ветер, сразу тяните нижние стропы, чтобы погасить купол. Ветра не было. Купол сам мягко погасился рядом.

В своем дневнике Николай запишет: «Еще не отошел прилив горячей волны, а взор уже снова устремляется в небо, в голубую высь. Мысленно возвращаясь оттуда на землю, начинаешь понимать, что прыжок совершен. На смену эйфории утверждается всем организмом стойкое ощущение мужества». А еще вспомнились заученные слова Климента Ефремовича Ворошилова, прочитанные в подарочной книге Домом пионеров в Осакаровке: «Заметки парашютиста-испытателя» Василия Григорьевича Романюка: «Парашютизм — это область авиации, в которой монополия принадлежит Советскому Союзу. Нет страны в мире, которая могла бы сказать, что она может в этой области хоть приблизительно равняться с Советским Союзом, или, тем более, что она ставит перед собой задачу в ближайшие годы нас догнать, я уже не говорю — перегнать».

Дорогой памятью вспоминается и дарственная память в книге: «Никитину Николаю в день пятилетия Осакаровского Дома пионеров им. Маленкова за активное участие в кружковой работе». Тогда, в 1963